

ЩЕГЛОВА Евгения Петровна,
литературный критик, член Союза писателей Санкт-Петербурга,
председатель секции критики и литературоведения, редактор,
Российский институт истории искусств
(Россия, Санкт-Петербург)

ВОЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОЗЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Аннотация: Статья рассказывает о тех путях, которые проходит военный человек — герой тетралогии Ю. Слепухина (военнослужащий, как доброволец, так и кадровый) в ходе ВОВ. Герои статьи — генерал-майор Николаев, он же «Дядяша», Сергей Дежнев, прошедший путь от рядового до майора советской армии, а также их сослуживцы. На примере действий армии А. Власова затронута и тема предательства родной страны.

Ключевые слова: военная тетралогия, интеллигент на войне, военный человек, сущность войны, нравственная убыточность войны, армия Власова.

Annotation: The article tells about the ways which a military man, being a hero of Yu. Slepukhin's tetralogy (a military serviceman, volunteer at first, then a professional), passes through the Great Patriotic War. The heroes of the article are: Major General Nikolaev, called «DaddySasha», Sergey Dezhnev, who serves initially as a soldier, and, finally, as a major of the Soviet Army, and their colleagues as well. The theme of homeland's betrayal is mentioned through incorporating the representation of the Vlasov's Army.

Keywords: military tetralogy, intellectual at war, a military man, essence of a war, moral losing of a war, Vlasov's Army.

Знаменитая военная тетралогия Юрия Слепухина давно и прочно входит в орбиту не только нашей военной прозы, но и всей русской культуры. Без ее героев: вчерашнего десятиклассника Сережи Дежнева, добровольца, прошедшего войну от звонка до звонка, Тани Николаевой, его любимой девушки, с которой война же его и разлучила, Люды Земцевой, ее школьной подружки, угнанной еще в 1941-м

в Германию, наконец, всего их окружения, семейного, школьного, фронтового, даже немецкого и голландского, поскольку действие как третьей, так частично и четвертой книги разворачивается в Германии и Нидерландах, — уже трудно, а вернее сказать, невозможно представить себе отечественную литературу о войне. Тетралогия занимает в ней особое место: это на редкость объемное, полнокровное, живое и многогранное изображение жизни поколения, волею судьбы брошенного совсем молодым в русский земной ад середины XX столетия. Поколения, главным образом, тех, кому довелось встретить войну 17–20-летними, в котором из каждой сотни человек в живых осталось трое.

Разумеется, многочисленные исследователи, анализирувавшие тетралогия, писали в основном о трагедии именно этих молодых людей — вступивших во взрослую жизнь в самый трагический для российской истории момент (хотя поди скажи точно, какой именно момент был у нас в первой половине минувшего века не трагическим. Война стала словно вторым действием великой общечеловеческой драмы под названием «русская революция», ее еще более кровавым — как оно и бывает в жизни, когда нарушается естественный ход вещей, — отображением уже на следующей странице российской истории).

Но ведь тетралогия — книга прежде всего о войне. И понятно, что человек, связанный с войной, можно сказать, кровно (часто — в самом прямом смысле кровно), будь он добровольцем или кадровым военным, — тоже ее главный герой, как бы собирательный. Без анализа того, как отображено в книгах изменение человека в ходе войны, тем более такой противоречивой, какой была наша Великая Отечественная, как она порой калечила их, а порой — и выпрямляла, что такое настоящий профессиональный военный, пожалуй, невозможно сказать, что мы поняли смысл этой эпохальной прозы.

Сначала необходимо поставить главный вопрос — а что такое вообще военный человек и армия, причем не только в годы войны, но и в мирное время? Вопрос не такой элементарный, как это может представляться. Безусловно, армия — одна из самых консервативных структур общества. Она существовала — во всяком случае, в раз-

витом человеческом обществе, — всегда. И всегда была очень тесно связана с государством. Иначе и быть не может. Она охраняла государство, была у него на службе, получала от него средства — и обязана была подчиняться только государству, и никому более. Каким бы это государство ни было: демократическим, находящимся на стадии перехода к демократии, тоталитарным ли, авторитарным — все равно.

Нет государства, точнее, оно ослаблено — распадается и его армия. И наоборот: крепкая, мощная, боеспособная армия — свидетельство силы государства.

А вот положение на войне интеллигента, то есть человека самостоятельного, глубокого и притом чаще всего нестандартного мышления и обостренной совестливости, — это уже следующий вопрос, в самой постановке которого неизбежно просматривается противоречие. Интеллигент, как представляется на первый взгляд, — явно не самый нужный на войне человек. То и дело ему приходится «наступать на горло собственной песне», то есть забывать про собственную интеллигентность и подчиняться старшему по званию, вне зависимости от того, с уважением он к нему относится или нет и даже — прав ли он, его командир, либо в его командах просматривается ошибка. А то и прямое злодейство, это тоже бывало.

Собственно говоря, почти вся отечественная военная проза так или иначе касается именно этого вопроса. Ибо сам писатель — отнюдь не приводной ремень государственной идеологии, как это предписывалось в эпоху развитого соцреализма (об этих «творцах» и говорить не стоит, они, по большому счету, никакие не писатели, а пропагандисты), а именно что интеллигент, притом, как правило, высшей пробы. Интеллигентия на войне — вопрос во многом трагический, очень неоднозначный, и иным он быть не может.

Нетрудно увидеть, как тонко и точно подходит к этой проблематике Ю. Слепухин еще в романе «Тьма в полдень» (1969 г.), попадая в самый ее нерв. Речь идет о Сереже Дежневе, совсем недавно угодившем на фронт. Ему 20 лет, он, прежде рядовой пехотинец, только-только окончил курсы младших командиров, на которые его послали потому, что за плечами у него — 10 классов средней школы.

То есть — в армии, состоявшей в основном из вчерашних крестьян и малообразованных рабочих, он слывет почти что интеллигентом. И вот под его началом оказываются бойцы, притом, как он сам замечает, бывалые и умелые, и он не может не думать о том, что их жизнь и смерть теперь зависят не только от немцев, но и от него. Потому что именно он, а не кто другой, теперь посылает в атаку своих бойцов. А кто он, в сущности, такой, мальчишка, «сопляк», написано в книге, «провоевавший, с грехом пополам, три месяца и еще три просидевший за партией на ускоренных курсах»?¹

А теперь снова — фронт, и уже не ты выполняешь приказ командира и потому особо не рассуждаешь, а ты сам — командир. В твоих руках — чужие жизни и непомерная ответственность за все, и прежде всего — за выполнение/невыполнение приказа. Ведь как раньше Сережке легко и ясно думалось: мол, поговорю я с бойцами просто и откровенно, скажу им — не стесняйтесь, указывайте на мои ошибки, «если что не так сделаю». И готово дело, контакт с бойцами налажен. Но Сергей очень быстро сообразил — «так начать знакомство со взводом — значит заранее поставить крест на своем авторитете. Не на авторитете Сережки Дежнева, а на авторитете командира, младшего лейтенанта Красной Армии»².

Вот она в чем кроется, главная (одна из главных) трагедий войны. На войне как будто нет места сомнениям, жалости, рефлексиям, мучительным душевным поискам, то есть всему тому, что и называется по-русски интеллигентностью, — во всяком случае, их там не должно быть. Сам по себе характер войны их будто бы начисто опровергает. Младший подчиняется старшему, тот — еще более старшему, а уж кому подчиняется тот, что еще выше, — всем известно. Но воюющие бойцы и командиры — люди, и им так же страшно, больно, как и любому на их месте, и сомнения их терзают такие же, как и всех других людей, и не думать, не сомневаться, не рвать себе душу они тоже не могут...

И под каждым могильным камнем той страшной войны зарыт

¹ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. СПб.: Ладога, 2005. С. 617.

² Там же. С. 618.

не только солдат или командир. Там зарыты его страхи, сомнения, решимость, отчаяние, наконец, мужество, которое наверняка далось ему непомерной — смертельной — ценой.

Сказать, что Сергей Дежнев вот так быстро и просто становится настоящим командиром, — неверно. В реальной жизни, точно так же, как и в настоящей, психологически достоверной прозе, так не бывает. К тому же Юрий Слепухин ни на минуту не забывает, что та война, которую он сам прошел, пусть даже не в качестве бойца, и которую с таким глубоким проникновением в суть событий описывает, давала массу поводов для размышлений, поскольку в ней лоб в лоб столкнулись вовсе не два взаимоисключающих политических строя, как десятилетиями вдалбливала нам советская пропаганда, а две тоталитарные, жесточайшие системы. Хотя бесспорно и то, что каким бы жестоким не был сталинский Советский Союз, но жертвой нападения стал все же он.

И мы наблюдаем, на протяжении всего долгого, скрупулезного и очень точного повествования, как эта сложнейшая историческая круговерть поворачивается к нам то одной, то другой своей стороной.

Собственно, путь на войне Сергея Дежнева, одного из главных героев трех книг (он не фигурирует только в романе «Сладостно и почетно»), — это в целом очень типичный путь человека в общем-то обычного, пусть и храброго, и несчетное количество раз смотревшего в лицо смерти, и честного, и пользующегося вполне заслуженным уважением своих бойцов. Стоит только вспомнить момент, когда тяжело раненного Сергея, ставшего командиром совсем недавно, его бойцы на руках выносят из окружения. Значит, Сергей стал им не только командиром, но и другом, и человеком уважаемым (как совершенно справедливо говорит о нем другой главный герой тетралогии — Танин «Дядяша», в начале ее — полковник, потом генерал-майор), и та психологическая дилемма, что стояла перед ним в начале его военного пути, как-то постепенно разрешилась сама собой. Ничего удивительного в этом нет: еще в «Перекрестке» старшеклассник Сережа предстает перед читателем как твердый, на редкость серьезный, увлеченный человек, вполне сформировавшийся, несмотря на свои очень юные годы. Таня Николаева, полюбившая

его, своим безошибочным женским чутьем как раз и угадывает в Сергее эту подлинность, непоказную мужскую твердость. Он не предаст, он — по самой своей природе — всегда будет надежным и верным защитником, он и на войну идет почти сразу, добровольцем, не дожидаясь никакой повестки, и на протяжении долгих четырех лет войны превращается из пацана, неумелого и наивного, в прямого и честного командира, а потом и офицера.

Значит, перед нами — образец настоящего военного, каким только и должен быть защитник родины? Безусловно. Именно так и обстояло бы дело, не будь Ю. Слепухин таким проникновенным, тонким психологом, мыслящим по-философски глубоко и серьезно, и не поставь он рядом с Сергеем других героев, тоже, как правило, из разряда военных, но в чем-то глубже, тоньше Сергея, а в чем-то — принципиально иных. В сущности, тетралогия представляет нам широкий почти до беспредельности портрет тех, кто лоб в лоб столкнулся с войной и может считаться подлинным победителем, вынесшим всю войну на собственных плечах.

В последней книге тетралогии появляется, — но довольно скоро погибает, — добрый знакомый Сергея, артиллерист, старший лейтенант Игнатъев. То, что человек он умный, тонкий и пронизательный, не в пример многим другим солдатам и офицерам, Сергей понимает сразу. С ним не просто интересно разговаривать, поскольку он человек начитанный и образованный, — с ним можно, да и хочется, советоваться. И именно он оказывается тем самым первым встретившимся Сергею человеком, который говорит ему об общей убыточности войны. Не только в смысле самом главном, то есть о гигантских человеческих потерях. А о потерях нравственных. Немного странным представляется то, что самому Сергею эта мысль до разговора с Игнатъевым в голову не приходила. Уж казалось бы — на фронте он с самого начала войны, а фронт, увиденный глазами солдата-окопника и прочувствованный им до печеник, державным восторгом отнюдь не способствует. Меж тем Сергей, в сугубо личной беседе, возражает Игнатъеву, сказавшему ему о неизбежной нравственной убыточности войны: «Столько героизма кругом! Война, по-моему, как раз в человеке все лучшее раскрывает

— в мирное время жил себе, ничем не выделялся, а тут вдруг идет на подвиг»³.

Ну конечно, Сергей прав — именно в таком духе, чисто героическом, была воспитана советская молодежь предвоенной поры. Но в войну реальную, а не книжную и не пропагандистскую, он заглядывал сотни, а то и тысячи раз и вполне имел возможность над ней задуматься посерьезнее. Но — нет, похоже, не задумывался. Не до того было? Или не откровенничает относительно политики даже с близким товарищем по давней, многолетней привычке, ставшей уже второй натурой советского человека, выработанной жизнью в наглухо закрытом обществе? Сказать трудно, но факт остается фактом: есть в этом хорошем человеке, смелом бойце, не кланявшемся пулям, некоторая — ну, не то чтобы ограниченность, а скорее узость мышления, определенная зашоренность. Что тут скажешь: образцовый советский офицер, а фронт — не самое подходящее место для сомнений. Не случайно же Таня Николаева, всей душой любя Сергея, чисто интуитивно все-таки угадывает, что ее любимый, при всех своих положительных качествах, даже при всем своем чисто мужском обаянии, — отнюдь не самый глубокий и тонкий человек, и определенной трещинке в их отношениях, сперва еле-еле заметной, суждено разрастись в конце войны до почти что полного непонимания. Нет, глубокий и тонкий писатель Ю. Слепухин прекрасно понимает, что отнюдь не только встреча Сергея на фронте с другой женщиной, ставшей его женой, стала причиной их разлуки с Таней, — вопрос этот намного сложнее, и корень проблемы зарыт глубже.

Ведь не забудешь того, как в самом конце книги Таня, прошедшая страшную школу подполья, чудом спасаясь из лап гестапо, а потом угнанная в Германию и сполна хлебнувшая рабской жизни оstarбайтера, с болью и мукой говорит Сергею, уже майору, о том, с какой неприязнью, с каким недоверием, а то и брезгливостью относятся на родине, в СССР, к тем, кто вернулся из Неметчины. Будто незримая, но прочная стена вырастает на наших глазах между девушкой и

³ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 478.

юношей, еще недавно любивших друг друга с исключительной силой и горячностью. А тут... Уж до чего горячо и страстно во время войны, рассказывает Таня, пропаганда и пресса призывали бойцов «освободить наших сестер и невест из фашистской неволи» — «прямо не было другой цели!» А потом, продолжает она, «этих самых невест и сестер — сразу за проволоку, чтобы не дай Бог по домам не разбежались...»⁴. Про советские концлагеря, куда массой поехали бывшие пленные, и говорить не стоит, Таня, конечно, знает и о них, как знает — или хотя бы слышал о том — безусловно и Сергей. И то, какой мучительной фильтрации подвергались только что вернувшиеся с фашистской каторги остарбайтеры, с каким презрением и недоверчивостью сталкивались они на родине, Таня испытала на собственной шкуре. И это наполняет ее слова, обращенные к Сергею, такой рвущей душу болью и тоской, — ведь в Германии она как о высшем, несбыточном счастье мечтала вернуться на родину, а родина от нее, как от побывавшей в оккупации, отвернулась, — что, конечно, понимаешь, насколько глубоко заглядывал в самую суть войны нелепо погибший капитан Игнатъев, друг и товарищ Сергея Дежнева. Даже будучи профессиональным военным, коему надлежит прежде всего подчиняться командирам.

Но думать, задаваться бесконечными и мучительными вопросами, пытаться вникать в суть событий, — не запретишь.

Именно он, Игнатъев, развивает в разговоре с Сергеем свою несомненно давнюю, выстраданную мысль о природе войны (неизменно сатанинской природе, если вспомнить определение войны, данное философом Н. Бердяевым): «Тут все сложнее, война не только лучшее раскрывает в человеке, но и худшее тоже, она раскрывает его целиком, выворачивает наружу все, что есть у него в душе. Отдельно взятый человек может, пройдя испытание фронтом, стать лучше, честнее, научиться товариществу, самопожертвованию, это все так. Но в целом, как социальное явление, война не способствует подъему нравственности, и это тем заметнее, чем дольше она длится»⁵.

⁴ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 948.

⁵ Там же. С. 478.

И вот, хотя умный, глубокий и вдумчивый человек Дмитрий Игнатьев превосходно понимает сущность войны, притом не только той, в которой он сам непосредственно участвует, но и войны вообще, как явления, — он ни минуты не сомневается в том, что воевать обязан, что никакие размышления не дают ему ни малейшего права хоть как-то уклониться от ежесекундно угрожающей ему смертельной опасности, поскольку защищать родину, подвергшуюся нападению, — его священный долг. И никакому сомнению эта аксиома не подлежит.

Собственно, именно в таком, глубинном понимании сути войны — и при этом необходимости, все понимая, ежедневно идти на эту войну, потому что нападению подверглась твоя родина, а другой родины у тебя нет, — и раскрывается настоящий, не пафосный, не барабанный патриотизм, которым проникнута вся тетралогия Ю. Слепухина. Его герои-военные, нося самые разные чины и звания, имея за спиной крайне разнообразные биографии, словно испытываются этой противоречивой и страшной войной на свою подлинность, глубину, серьезность.

Для Ю. Слепухина очевидно, что сталинский СССР — страна вопиющего беззакония, убившая за двадцать с лишним лет своего существования миллионы людей. Об этом не раз и не два говорится в тетралогии, собственно, этой мыслью подспудно проникнута она вся, и напоминает об этом в ней даже встретившийся эмигранту Болховитинову власовец — явно не самая близкая для писателя фигура. Напротив, — полярно противоположная. Именно он, член РОА («Русской освободительной армии»), хлебнувший прежде всего коллективизации, той самой, что переломила хребет русского народа, а может быть, и убила его, как бы формулирует суть власовского движения, — чисто абстрактную, конечно, суть. Потому что и для самого писателя, и для близкого ему по духу героя — потомка эмигрантов, всю свою жизнь стремившегося попасть на родину, откуда некогда уехали его родители, то обстоятельство, что власовская армия воевала все-таки против России, его родины, — неприемлемо. И никуда от этого не отвертеться, никуда не убежать, какой бы мачехой для собственного народа его родная страна ни была. Все равно — есть, существуют святые

и не подвергающиеся сомнению понятия, через которые никому из граждан этого государства переступить не дано, тем паче что на твою страну напал враг, жаждущий ее поработить. В этих обстоятельствах, исключительных по своей напряженности, накалу, трагизму, порой беспросветности, даже такие бесспорно злодейские действия страны, как террор против собственного народа, отходят на второй план.

Что, кстати сказать, делает войну деянием еще более страшным. Уж если перед ее лицом меркнет террор...

Отходить-то, конечно, отходят, и Ю. Слепухин это превосходно понимает, но вот забыть о них — нельзя. И этот мотив придает всему повествованию писателя глубочайшее эмоциональное напряжение, он словно поднимает его на некую философскую высоту, в то же самое время ни на миг не переставая быть мотивом глубоко человеческим, очень горячим, предельно страстным.

Ведь как ни крути, а безымянный власовец, встретившийся Кириллу Болховитинову, бывший советский солдат, попавший в немецкий плен в результате бездарной Харьковской операции, вместе с сотнями тысяч таких же бедолаг, — а таких операций было не счесть, и количество пленных исчислялось миллионами, — в чем-то безусловно прав, когда говорит: «Такого явления, как большевизм, в истории еще не было... насколько мне известно. Чтобы вот так — с таким полнейшим, наплевательским презрением — давить собственный народ? Не знаю, не могу себе представить. <...> Что в войсках уже ни хрена не было — ни что жрать, ни чем стрелять, ни на чем передвигаться — да кого это волновало? Ни у одной высокопоставленной штабной бляди не нашлось простого офицерского мужества сказать там в Ставке — да опомнитесь, дайте же армии передышку, пусть подтянут тылы, наладят снабжение, нельзя же наступать дальше, когда и так уже коммуникации на полтыщи километров растянуты, да еще по бездорожью, а в феврале оттепели пошли — вообще все развезло <...>». И далее: «...чего вы хотите, к началу войны у нас ни одного командира полка не было с высшим военным образованием! — вот тогда мы начинаем воевать числом»⁶.

⁶ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 733.

(Напомню в скобках — безвозвратных потерь в той войне было, по последним статистическим данным, более сорока миллионов. Против семи с половиной миллионов — потерь со стороны нацистской Германии⁷.)

Поневоле вспоминаются слова фронтовика и писателя Николая Никулина, автора беспримечных «Воспоминаний о войне» (опубликованы впервые в 2007): «На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя множество людей в день. <...> Наконец какой-то солдат или лейтенант, командир взвода, или капитан, восклицает: “Нельзя же гробить людей!” <...> Сразу же подключается политрук, СМЕРШ и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: “Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе”... и готово: “Расстрелять перед строем!” или “Отправить в штрафную роту”, что то же самое»⁸.

Возвращаясь к непростым, до крайности напряженным размышлениям Ю. Слепухина о сути военного власовского движения, замечу, что писатель очень точно прочерчивает ту грань, которая разделяет саму идею сопротивления советскому строю — и ее конкретное воплощение, которым она оборачивается в условиях жесточайшей войны. Да, советский строй бесчеловечен, как никакой другой; следовательно, бороться с ним — вроде бы не грех. Само по себе появление РОА — разумеется, прямое следствие как коллективизации, так и многолетнего государственного террора в СССР, который не мог не вызвать сопротивления, благо не оскудела российская земля ни заступниками, ни мстителями. Удивительно было бы, если она ими бы оскудела, мы тогда и вообще не имели бы морального права

⁷ См.: [Электронный ресурс]. Статистика Второй мировой войны. URL: <https://vawilon.ru/statistika-vtoroj-mirovoj-vojny/#poteri-germanii> (дата обращения 01.09.2020).

⁸ Никулин Н. Воспоминания о войне. СПб.: Петерфонд, 2015. С. 30.

говорить о том, что русская нация сохранилась именно как нация, а не как простое народонаселение.

Но стрелять-то власовцам, в числе которых и тот, что появляется ненадолго в последнем романе Ю. Слепухина, приходится — в своих! Да еще безо всякого различия, повинен ли тот, кого ты убиваешь из немецкого оружия, в твоих горестях, словом, партийный ли он активист, — или перед тобой обычный мальчишка какого-нибудь 1923 или 1925 года рождения, ни сном ни духом не ведавший ни о раскулачивании, ни о голодоморах (тоже организованных, как сегодня уже всем известно, «сверху») — во всяком случае, неповинный в них, ни о каком-нибудь «кировском потоке», изгнавшем из Ленинграда потомственную интеллигенцию и массу самых обычных стариков и старух, по происхождению — которого никто из них не выбирал — дворян. Он и оружие-то взял в руки, скорей всего, согласно воинскому призыву, коих на протяжении войны было довольно много, или по горячему велению собственного сердца, зовущего к защите родины, как то было на Руси на протяжении сотен лет. И теперь, выходит, он-то и есть твой враг? Тот самый, которого ты убиваешь не глядя, как самого лютого врага? И ты надеешься, что его убийство непременно поможет советским людям сбросить с себя и со страны советское невыносимое иго?

Да полноте, говорит нам сам дух тетралогии Ю. Слепухина. Истина в этих четырех книгах рождается накалом очень высоких и очень обостренных чувств, и ее невозможно сформулировать в отрыве от конкретных людей, переживающих на страницах тетралогии свои единственные жизни, пришедшиеся на самый трагический момент отечественной истории. Словно бы писатель все время удерживал в своем сознании мысль великого Н. Бердяева, утверждавшего, что «война и все с ней связанное есть не только самая крайняя, самая предельная форма насилия, но и самая крайняя, самая предельная форма антиперсонализма, отрицания личности. Соглашаясь на войну, человек перестает быть личностью и перестает других считать личностями. Войско есть некоторый иерархический организм, в котором каждый чувствует себя частью, приобщается к целому и занимает определенное место. Это ввергает человеческую личность в совсем

особую атмосферу, в которой рабство и насилие переживаются органически и могут быть даже сладкими»⁹.

Не случайно же один из главных героев тетралогии Кирилл Болховитинов, потомок эмигрантов Первой волны, видевший власовцев воочию не один раз, прекрасно знает, что в действительности, а не в политической своей теории, людьми они оказывались по большей части «настолько примитивными, что чисто шкурные мотивы их измены не вызвали сомнений»¹⁰. Отсюда и непомерная жестокость власовцев, порой даже превосходившая жестокость немцев. Ее отмечали все, кто с ними сталкивался. Не проходит даром, не может пройти без последствий предательство собственного народа... Хотя всю меру трагизма этой ситуации мы, видимо, до конца так и не сможем постичь. Слишком туго в этой коллизии закручено всё: и боль за родину, поругаемую своим же государством, и безмерное, рвущее душу сочувствие тем, кто вынужден терпеть все перипетии, выпавшие на долю несчастного народа, ибо куда денешься из своей же страны, все равно что из самого себя, и ненависть к врагу, и понимание того, что враг все-таки есть враг, и понимай ты хоть сто тысяч раз, что СССР — страна невиданного в истории террора, унесшего жизни миллионов, но на нее напал враг, и ты защищаешь не столько государство, сколько опять же несчастный его народ...

Д. Лихачев когда-то говорил, что многие убеждены — «любить Родину — это гордиться ею. «Нет, — написано у него "Воспоминаниях". — Я воспитывался на другой любви — любви-жалости»¹¹. Именно этой жалостью к собственной стране, ввергнутой в страшные испытания, проникнуты все четыре романа Ю. Слепухина, при всем необозримом богатстве в них картин, сюжетов, исторических переплетений, аллюзий.

Представляется очень интересным, как размышления Ю. Слепухина о природе войны, о тех сложных, в сущности неразрешимых

⁹ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека: (опыт персоналистической философии). Paris: YMCA-PRESS, [1972]. С. 87.

¹⁰ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 730.

¹¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 2000. С. 156.

противоречиях между военным человеком и государством, в особенности сложных тогда, когда речь ведется о государствах тоталитарных, — как они подняты над национальностью человека, переходя тем самым в размышления глобальные. В самом деле, в романе «Сладостно и почетно» один из главных его героев — немец, офицер Вермахта, а в недавнем прошлом — ученый-физик Эрих Дорнбергер. Человек он в высшей степени достойный, переживающий произошедшую с Германией катастрофу как личное глубокое горе. По убеждениям своим он, разумеется, антифашист. Можно только вообразить, какая буря эмоций разыгрывалась в его душе, когда он оказался призванным, как сотни тысяч его ровесников, в Вермахт и военная судьба забросила его под Сталинград, в самую кровавую мясорубку. Там-то он и оказался в знаменитом сталинградском «котле», откуда его, как специалиста-физика, эвакуировали на самолете. Каково может быть самочувствие человека, превосходно — и при этом мучительно — понимающего, что его страна — преступник, что именно она повинна в нападении на другие страны, что на ее совести (если можно говорить о совести государства-агрессора) лежит горе и гибель миллионов людей? Трагедию, разыгравшуюся в душе этого достойного и совестливого человека, Ю. Слепухин передает очень тонко: он, человек, совсем не по своей воле оказавшийся в армии, вынужден стрелять в тех, кого его явно преступная страна назначила быть врагом. И что делать в таком случае тому, кто все это понимает? Не поворачивать же свою винтовку — или свой шмайсер — против своего же командования?! Тут расстрел на месте, как в любой армии положено, — и никаких рассуждений.

И немецкий интеллигент Эрих Дорнбергер выбирает тот единственный, но неизбежно гибельный путь, который только и возможен для настоящего патриота Германии, — патриота не гитлеровской, разумеется, Германии, а другой, настоящей, подлинной, которая все же никуда не делась даже в фашистские времена и о которой он никогда не забывает. Он вместе с другими военными Вермахта участвует в знаменитой операции «Валькирия», или заговоре 20 июля 1944 года, с целью свержения нацистского правительства и убийства Гитлера. Да, в значительной мере это типичное донкихотство — рассчитывать

на удачу в таком сверхрискованном деле, как заговор. Как правило, участники его, наткнувшись на непреодолимые препятствия, гибнут, и лучшее, что приготавливает им судьба, — это гибель мгновенная, а не в результате длительных и неизбежно мучительных расследований, в которые к тому же неизбежно вовлекаются и люди случайные. Гибнет и Эрих Дорнбергер. Гибнет, еще не зная, что заговор провалился, и единственный реальный итог этого безусловно смелого, отчаянного, но в общем-то бессмысленного деяния — кратко промелькнувший, как молния, след в истории и память о погибших, сохраненная, кстати, до сего дня в немецкой истории. В новой, демократической Германии в памятные дни этого покушения проходят, как известно, церемонии с участием высших лиц государства.

Но все-таки, значит, подвиг Эриха был бессмыслен? С военной точки зрения — безусловно. Кучка заговорщиков и не могла одержать победу в таком рискованном деле, как убийство верховного главнокомандующего и главы национал-социалистической партии, — ей было просто не на что опереться. Мысль Ю. Слепухина тут гораздо глубже, нежели размышления об удаче либо неудаче покушения, ибо перед нами отнюдь не примитивный детектив и не сюжетная байка. Она лежит в той сфере философии, которая обращена к Высшему. К идее о том, что существование любого человека отнюдь не бессмысленно, не кончается с его земной жизнью, а по-настоящему вечно. И в этой вечной жизни уже ушедших есть место всему — и подвигу, на поверхностный взгляд бессмысленному, и памяти о нем, и состраданию, и любви — даже такой трагической, которая выпала на долю Эриха накануне его гибели.

Нельзя, наконец, не сказать и о другом главном герое тетралогии Ю. Слепухина — родном дяде Тани Николаевой, том самом «Дядесаше», который вырастил осиротевшую племянницу (кстати, заметил ли читатель, что в романах Таня, оставшаяся без отца и матери, нигде ни разу не именуется сиротой, будучи ею с 13 лет? «Дядясаша» оказался для нее настолько близким и дорогим человеком, что сиротой она себя не чувствует: пожалуй, это и есть лучшая его характеристика). В «Перекрестке» он майор, а на протяжении всех 9 лет, в течение которых разворачиваются действия книг, вырастает до

генерала. В сущности, перед нами во многом типичная судьба советского офицера, выходца из интеллигентных кругов, который, какая бы власть на дворе ни стояла, обязан этой власти подчиняться. Хотя, быть может, и не совсем типичная, — ведь именно таких офицеров, как он, массово репрессировали в эпоху погрома Красной Армии, учиненной родным государством в 1930-е. А тут — интеллигент, какого-то явно не пролетарского происхождения, Бог знает, какие мысли вертятся у него в голове... Тем паче что усмотреть хоть какую-то логику в кровавом кошмаре репрессий, обрушившихся на военных, крайне трудно.

Словом, Александр Семенович Николаев в чем-то вполне может быть назван везунчиком. Остаться живым и после череды репрессий, и после боев на Халхин-Голе, и после позорной советско-финской кампании, в которой он тоже принимал участие, и тем более после Великой Отечественной, на которой он горел в танке, — это везение поистине редкое, можно сказать, уникальное. Это и позволяет предположить, что «Дядяша» — образ в большой степени собирательный, ибо в отечественной истории единицами насчитывались военные, успешно преодолевшие трагические коллизии, в изобилии обрушившиеся именно на них. «Дядяша» — тот человек, которому, с одной стороны, безусловно повезло, а вот с другой — довелось пройти поистине все без исключения тяжелейшие испытания, выпавшие на долю его страны. В его биографии они нанизываются одно за другим, превращая ее в биографию государства.

И в чем-то именно он, Александр Семенович, есть тот самый защитник Отечества, который защищает его всегда и везде. Тот самый, на которого можно положиться, который в самом большом и значительном не поступится совестью и будет выполнять то, что от него требуется, и именно тогда, когда оно и нужно.

Удивительно, что при всем при том в «Дядешаше» абсолютно нет идеализации. Он, будучи высокопоставленным военным, понимает, тем не менее, что финская авантюра 1939–1940 — не совсем законна, точнее, совсем незаконна, что, однако, бывают в истории такие эпизоды, которые заставляют перешагивать через мораль, но добром это никогда не кончается; понимает, что рядом с ним, бук-

важно бок о бок, расположились смершевцы, «бледная погань», как он называет тот самый народ, который сам воевать не умеет, но вечно держит нос по ветру... В конце последнего романа он так и думает о своей судьбе: «Даже получив Героя, он не обольщался относительно прочности своего положения, в случае чего, золотая Звезда защитой не оказалась бы, других не защищали и маршальские. Поэтому — положение обязывает! — приходилось соответствовать. Приходилось оправдывать доверие. Где-то проголосовать “за”, где-то промолчать, где-то, наоборот, выступить — все это, как правило, вопреки тому, что думал. Да, да, и вопреки совести, если называть вещи своими именами. А была ли возможность поступить иначе?»¹²

Страшная, тяжелая дилемма: защищать страну от внешнего врага, как предписывает тебе твой святой военный долг, — и еще больше, пожалуй, бояться врага внутреннего; жить в ладу с совестью — и понимать, что рядом с тобой, в твоём ближайшем окружении, ценится не столько совесть, сколько бессовестность; рисковать жизнью сотни, если не тысячи раз, остаться в живых — и частенько завидовать тем, кто погиб на поле брани и избавлен от массы омерзительных ситуаций, на которые так щедра оказалась родная страна после такой, казалось бы, долгожданной и великой победы...

Много, очень много тех, кто вынес победу на собственных плечах, проходит перед нами в тетралогии Ю. Слепухина. Люди они разные — разнятся и их звания, и путь на войне, и судьбы. Военный человек — он ведь всегда принадлежит не столько себе, сколько государству и армии. Но принадлежит он — и собственной совести. А совесть есть, как это давно известно, не что иное, как голос Бога в человеке.

Его надо слушать всегда.

¹² Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 970.